



Превратности глагола *быть* в языке олонецких причитаний*

Mutabilities of the Verb *byt'* 'to be' in the Language of Olonets Lamentations

Светлана Михайловна
Толстая

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются формы глагола *быть* в языке олонецких причитаний, отклоняющиеся в своих значениях и функциях от стандартных для общерусского (литературного и диалектного) языка употреблений. Формы настоящего (*е/есть, нет/нету*), прошедшего (*бы, было*) и будущего (*буду/будет*) времени и их дериваты выступают в разнообразных конструкциях (в сочетании с личными формами глагола, причастием, инфинитивом, императивом) в функции частиц, как правило, с модальным значением. Аналогичные нестандартные конструкции известны и древнейшим письменным памятникам северо-западной зоны русского языка, отражающим смешанный церковнославянско-русский (гибридный) тип русского языка.

* Работа выполнена в рамках проекта «Причитанья Северного края Е. В. Барсова»: материалы к словарю», поддержанного РФФИ (грант № 20-012-00205А).

Благодарю М. Н. Шевелеву за помощь и ценные замечания и советы, которые я постаралась учесть при подготовке статьи.

Цитирование: Толстая С. М. Превратности глагола *быть* в языке олонецких причитаний // *Slověne*. 2023. Vol. 12, № 1. С. 225–257.

Citation: Tolstaya S. M. (2023) Mutabilities of the Verb *byt'* 'to be' in the Language of Olonets Lamentations. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 225–257.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.06



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

Ключевые слова

олонецкий диалект, причитания, глагол *быть*, связка, частица, грамматические конструкции, семантика, модальность

Abstract

The article examines the forms of the verb *byt'* 'to be' in the language of Olonets lamentations, which in their meanings and functions differ from the standard uses of the all-Russian (literary and dialect) language. The forms of the present (*e, est'* 'is', *net, netu* 'is not'), past (*by, bylo* 'was') and future (*budu/budet* 'will be') and their derivatives appear in various constructions (in combination with personal verb forms, participle, infinitive, imperative) in the function of particles, as a rule, with a modal meaning. Some of such non-standard constructions are fixed in the oldest written texts of the north-western area of the Russian language, presenting a mixed Church Slavonic-Russian (hybrid) type of Russian language.

Keywords

Olonets dialect, lamentations, verb *byt'* 'to be', copula, particle, grammatical constructions, semantics, modality

Глагол *быть* занимает особое, можно сказать, ключевое место в структуре русского языка. Он является одновременно и краеугольным камнем этой структуры, и камнем преткновения для исследователей. Краеугольным камнем — потому, что он обладает, помимо своего первичного бытийного значения, важнейшей структурной функцией связки при образовании аналитических форм времени и сложных форм именных и иных предикатов. А камнем преткновения потому, что он задает исследователям немало трудноразрешимых задач. Этимологи до сих пор не дают окончательных ответов на вопрос о происхождении и соотношении презентных и инфинитивных (претеритных) основ этого глагола (т. е. *есть* и *быть*), а также вариантов основ с *бы-* и *буд-* [см.: ЭССЯ, 1–42–; Аникин, 1–13–]. Грамматисты не могут найти согласия по поводу того, являются ли полнозначный бытийный глагол и связка одной лексической единицей или разными (обзор мнений см. в: [Циммерлинг 2021: 8–11]). Акцентологи исследуют формы этого глагола в связи с проблемой энклитик [Зализняк 2008]. Семасиологи пытаются очертить смысловое пространство этого глагола во всех его употреблениях (см. прежде всего работы: [Апресян 2013; Idem 2014]). Синтаксистам не дают покоя типологически значимые конструкции «у меня есть» в связи с антитезой *быть* — *иметь* [Бенвенист 1974; Isačenko 1974; Mel'čuk 2019; Шевелева 2019].

Историки языка и диалектологи сосредоточены более всего на эволюции связки и судьбе аналитических конструкций (перфекта и плюс-

квामперфекта – [Хабургаев 1978; Петрухин, Сичинава 2006; Idem 2012; Idem 2013; Idem 2018; Шевелева 1993; Eadem 2001; Eadem 2002; Eadem 2006; Eadem 2007] и др.), а также конструкций будущего времени [Исаченко 1976; Хабургаев 1978] в памятниках письменности и диалектах русского языка [Кузьмина и Немченко 1968; Rožarickaja 1991; Пожарицкая 1996; Eadem 2010; Дементьева 1973; Eadem 1977]. Общая картина эволюции связки настоящего времени в истории русского языка дана в книге А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики», где есть специальная глава, в которой показано, что в живом языке устранение связок настоящего времени (в перфекте и в именном сказуемом) произошло очень рано, а их сохранение было приметой книжного языка [Зализняк 2008]. Это положение в целом верно и для русских диалектов, в большинстве которых связки настоящего времени нет, как и в литературном языке.

Тем не менее историки древнерусского языка установили, что в некоторых памятниках северо-западной зоны (особенно псковских и новгородских) и Русского Севера употребление форм глагола **быти** в функции связок сохранялось дольше: «Конструкции с “избыточным” *есть*, вносящим значение удостоверительности, конструкции с *буде(т)* и конструкции с формами прошедшего времени глагола *быти*, среди которых есть и русский плюсквамперфект, и двупредикатные структуры с самостоятельным бытийным глаголом [...] находят соответствие в северо-западных русских говорах и отражаются в памятниках с достаточно раннего времени» [Шевелева 2002: 215]. И эта же особенность (сохранение связок) отмечена диалектологами в той же северо-западной зоне русских говоров. Наиболее подробно этот вопрос был исследован в работе [Кузьмина, Немченко 1968], основанной на картотеке Диалектологического атласа русского языка, архивных материалах, старых публикациях и собственных полевых наблюдениях, а также на некоторых фольклорных текстах (из сборников П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга). В ней было показано, что в этих диалектах не только сохраняются старые связки (прежде всего форма *есть*), но их употребление часто выходит за пределы прежних конструкций, а сами они превращаются в частицы (такие *есть* часто называют избыточными, удостоверительными, заверительными и т. п.). Позже некоторые интересные примеры такого рода из архангельских говоров рассматривались в работах С. К. Пожарицкой и других диалектологов ([Дементьева 1973; Eadem 1977; Трубинский 1975 и др.]). Особенно выделяются в этом отношении говоры Заонежья¹, которые не были охвачены систе-

¹ По свидетельствам собирателей XIX в., частица *е* вместо *есть* в заонежском крае употребляется очень часто [Кузьмина, Немченко 1968: 165].

матическими исследованиями ДАРЯ, но свидетельства о которых сохранились в записях А. А. Шахматова² и позднейших собирателей.

В связи с этим представляет интерес язык олонетских причитаний в сборнике Е. В. Барсова «Причитанья Северного края», в котором — благодаря большому массиву текстов (более 25000 стихотворных строк) — конструкций с разными формами глагола *быть*, и прежде всего со связкой настоящего времени, очень много [Барсов 1997]. Немало в этих текстах и других нестандартных — в том или ином отношении — форм глагола *быть*. Анализ их формальных особенностей, функций и семантики в текстах олонетских причитаний в настоящей работе будет дан в следующем порядке:

1. Основа настоящего времени — *е/есть*;
2. Основа прошедшего времени — *бы-* (*был, была, было, были*; инфинитив *быть*; част. *было*; част. *бы*; союз *быв*, имперфектив *бывать*, безл. предикатив *бывано*);
3. Основа будущего времени — *буд-/буд-* (личные формы *буду, будешь, буде/будет* и т. д.; союз *буде/буде*, союз *будто/будто*).

1. Основа настоящего времени *е/есть*

В текстах олонетских причитаний как полнозначный глагол, так и связка в наст. вр. имеет две параллельные формы — *е* и *есть* для всех лиц и чисел³.

Полнозначный бытийный глагол в своем употреблении не отличается от литературного языка и большинства диалектов (если не считать двойственности формы: *есть* и *е*):

И на гостибище родитель *есть* ведь батюшко,

И на привет да *е* желанна родна матушка,

И на сретаньце ведь братец *е* родимой! С⁴ 414:274–276

И во дома да *есть* хозяин — родный батюшко,

И у печи да *е* хозяйка — родна матушка! С 362:24–25

И *е* три дочери у ней да ведь хороши С 470:147

² Шахматов А. А. Путевые заметки. Архив Академии наук. Ф. 134, оп. 1, № 225. См. также: [Шахматов 1886; Idem 1948; Гринкова 1947; Еремина 2004; Eadem 2007].

³ Эта двойственность свойственна также другим архангельским говорам (ср. [АОС, 13: 7]) и некоторым соседним северным и северо-западным диалектам, но последним, видимо, только в случае полнозначного глагола (ср. [СРНГ, 8: 310]).

⁴ Буква при цитируемых примерах обозначает соответствующий корпус причитаний из сборника [Барсов 1997]: С — свадебные, П — похоронные, Р — рекрутские, а цифры при примерах означают: первая — страницу, вторая — номер стиха.

В функции **вспомогательного** глагола *есть* в истории русского языка могло употребляться в составе 1) аналитических форм глагола (перфект), 2) составного именного сказуемого (в сочетании с существительными или прилагательными), 3) в составном сказуемом в сочетании с наречием или предложной формой существительного. Однако, как заметил А. А. Зализняк, «разграничение между служебным и полнозначным употреблением словоформ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. далеко не всегда очевидно» [Зализняк 2008: 221]. Действительно, в конструкциях с наречием или субстантивным обстоятельством типа *отец далеко* или *отец в поле* нулевая форма наст. вр. глагола *быть* может пониматься и как связка составного сказуемого, и как полнозначный глагол в значении ‘пребывать, находиться’⁵.

Относительно происхождения, лексического и грамматического статуса и функций формы (слова) *есть* существует большая литература, в которой обсуждается несколько автономных вопросов: 1) Одно ли и то же *есть* фигурирует во всех отмеченных конструкциях? 2) Связано ли слово *есть* с глаголом *быть*, т. е. является ли оно формой глагола или отдельным словом? 3) Как объяснить широкое употребление *есть* на фоне сплошной утраты связки наст. вр. в народном языке? 4) Связано ли современное диалектное *есть* с исчезнувшей связкой перфекта?

Во многих случаях связка наст. вр. *е/есть* употребляется в причитаниях в соответствии с книжной нормой древнерусского языка и вопреки нормам живого языка в составе именного сказуемого (в сочетании с существительным, прилагательным, причастием, локативным или иным обстоятельством). Каждая из этих позиций должна рассматриваться отдельно, поскольку судьба связок в них неодинакова: «Во фразах с именным сказуемым уже в древнерусскую эпоху получали значительное распространение модели без связки — *ты кнѣзь* и *Иванъ кнѣзь* (и в несколько меньшей степени — модели *ты старъ* и *Иванъ старъ*). Эволюция состояла здесь в постепенной экспансии этих моделей, так

⁵ В статье А. В. Исаченко 1939 г. утверждается, что глагол *быть* в русском языке имеет не две функциональных разновидности (1. полнозначный глагол и 2. вспомогательный глагол, или связка), а три: 1. полнозначный глагол, 2. вспомогательный глагол (в составе сложных временных форм) и 3. связка (копула), представленная в «безглагольных» предложениях типа «орель царь над птицами, а осерть надь рыбами» (Моление Даниила Заточника) [Исаченко 1976: 15]. В. И. Трубинский в работе, посвященной диалектным конструкциям с *есть*, исходит также из трехчленной структуры, но организованной иначе, а именно, предлагается среди конструкций «*есть* плюс *verbum finitum*» различать конструкции с *есть*, лишенные бытийного значения, близкие по своему характеру к частице (*я съездила есь в город*), и конструкции, в которых с глагольной формой сочетается полнозначное, экзистенциальное *есть* (*есть вернулись после плена*) [Трубинский 1975: 152]. Последние в работах М. Н. Шевелевой называются дупредикатными [Шевелева 2006: 215].

что в конечном счете в живом языке альтернативные модели со связкой вообще исчезли (но в литературном языке в научном, педантичном или возвышенном стиле фразы типа *жизнь есть борьба, это есть заблуждение* возможны и ныне)» [Зализняк 2008: 262]. «Для фраз с именным сказуемым картина в принципе такая же, как в перфекте, но эволюция идет заметно быстрее и достигает современного состояния раньше. В особенности интенсивен этот процесс во фразах с существительным в роли именной части сказуемого» [Ibid.: 255]. Рассмотрим эти категории случаев подробнее на материале олонетских причитаний. Сразу же следует сказать, что конструкции с сохраненными связками во всех позициях выступают наравне (параллельно) с конструкциями, где связки были утрачены в литературном языке и основной массе диалектов.

1.1. Сохранение связки наст. вр. *е/есть* в составе именного сказуемого с **существительным** в именной части (в т. ч. в Твор. п.) подтверждается следующими примерами:

Я вдова теперь *е* да молодешенька П 41:17

И перва дочь да у ней есть да все девичей,

И уж как друга у ней дочь да е вдовичей С 470:148–149

И уж как я, да горегорькой е детинушка

И оденёшенек, удалой добрый молодец Р 63:219–220

Наряду с этими конструкциями в причитаниях имеются многочисленные примеры без связки (или с нулевой связкой):

И дорога ж моя бесценна воля вольная!

И воля — красное миженьско мое солнышко

И воля — дённой ты теперь да белой светушко С 293:742–744

И тебе лавочка, голубушко, не думщичка,

И коробеечка, дитё, да не советничка С 307:277–278

1.2. Связка наст. вр. *е/есть* сохраняется также в составе именного сказуемого с **прилагательным** в именной части:

Ведь я девушка е да не дешёвая,

И моя волушка е да не грошовая С 281:187–188

Мое личушко ведь е да не бумажное П 31:7

Не одна ты е на свете бесталанная П 153:274

И столько взгляд да у него-то ведь звериной,

И столько здох да у него-то есть змеиной! С 472:215–216

И строги-грозны богоданны есть родители! С 360:49

И теперь годушки ведь е да все не прежнии Р 131:209

И та птиченька ведь е да не гордливая

И на речах-баснях она да не спесивая Р 106:122–123

Ср., однако, примеры с нулевой связкой:

И ваша думушка, родители, часовая,

Моя жирушка, родители, вековая С 279:102–103

И как домишечко-то, скажут, некорыстны,

Все житишечко у их да небогатое С 280:118–119

Как еще лукав злодий да россказ-больший сват С 282: 243

И твои плечика, лебедушко, узёшеньки,

И твоя силушка, лебедушко, малёшенька,

И у т рученьки, у дитятка, тонёшеньки,

И ум тот-разум во головушке глупёшенек! С 302:35–38

1.3. Связка наст. вр. *е/есть* в составе сказуемого с **обстоятельственным актантом**, в том числе предложным сочетанием, также может сохраняться, т. е. следовать нормам древнерусского книжного языка (А. А. Зализняк этих конструкций не учитывал⁶).

И ты с которой, солдат е да со сторонушки? С 357:433

Уже где да е сердешно наше дитятко? П 159:81

Я за горами ведь е да за толкучима П 88:76

И тут проведали судьи неправосудны,

Што к набору е скаченная жемчужинка Р 83:60–61

Уже где да есть родитель-то наш батюшка? П 28:120

Ср., однако, примеры с нулевой связкой:

Там ведь темное теперечко залисьече,

Очень малое ведь там да все безлюдьиче С 288:479–480

Помимо этих конструкций, соответствующих нормам древнерусского книжного языка, в причитаниях обнаруживается немало других нестандартных конструкций со связкой, не имеющих соответствия в древнерусском языке. К ним относятся:

⁶ Ср. также замечание в статье [Кузьмина, Немченко 1968: 149]: «[С]очетания с *где* отличаются от всех остальных тем, что *есть* здесь, может быть, не лишено полностью лексического значения».

1.4. Конструкция ***е/есть*** + **презенс** финитного глагола НСВ может быть иллюстрирована следующими примерами:

- И отпускают е солдатов забилетных С 356:387
 И нынь волюшка моя да не огнем горит
 И дорога́ моя ведь е да не смолой кипит С 347:19–20
 И все спешится, знать, сестрича е родимая С 358:446
 И куды птиченька ведь е да солетается! С 395:101
 И оны писенки ведь е да воспевают С 409:61
 И стоит матушка у мяя да е крестовая С 469:103
 И нынь под тученькой ты ходишь гряновитоей,
 И ты под облакой ведь е да страховитоей Р 67:63–64
 И туды птиченька ведь е да не пролётывае Р 201:612
 Мы ковер-то е кладем да тут персидский П 97:48
 Должники в долгах ведь е да попираются! П 150:133
 Туды ветрушки ведь е не провеывают П 160:111
 И теперь проща-то ведь есть да Государева
 И воотпуски теперь есть подомовый
 И отпускает е солдатов забилетных С 356: 285–287
 И как война когда ведь есть да сочиняется Р 204:761
Знаю-ведаю, невольна красна девушка:
 И про изменушку теперь да волю вольную
 И про злодиев-то рассказов-сватов больших,
 Про остудничка ведь есть да про блада сына С 284:317–320
 Все прогостюшка ведь е да наслушаются! Р 237:34
 Един крест стоит ведь е да поставленной! П 173:56.⁷

Однако во множестве подобных конструкций связка отсутствует, например:

- И он не сном да темну ночку коротает,
 И он горючима слезама обливается! Р 60:67–68
 И кругом-около родитель-то подхаживат,
 И хоть во ясни мни-ка очушки поглядыват!
 И уласкают светы-братьица родимый
 И всё милыма прелестныма словечушкам,
 И утешают-то бесшастна добра молодца! Р 62:145–149

⁷ Подобные конструкции известны и севернорусским диалектам. Ср. арханг. *У меня там брад живёт йесь* [АОС, 13: 159]; *Теперь йесь некоторые ткуд дорошки-ти* [АОС, 13: 159]. Отмечены они и в некоторых письменных текстах [Шевелева 1993:139–140].

И он поближе к вам, родителям, двигáется
 И он пониже-то, злодий, да поклоняется;
 И он засуливат, роскáz да злодий-бóльший сват С 281:202–204.

1.5. Конструкция **е/есть** + **презенс** финитного глагола СОВ (= FUT):

И, може, времечко ведь е да приизменится С 413:242
 И разлучат да многих добрых столько людюшек,
 И как бурлакушков ведь е да с молодой женой! Р 129:123–124
 Как вода со льдом ведь есть да поразойдется П 27:109
Сговорят оны ведь есть да таково слово П 234:126⁸

Ср., однако, более распространенные конструкции без связки, например:

И чёрны вóроны ведь там да принаграются;
 Вместо суседей спорядовых
 И со чиста поля собаки приналаются! С 288:488–490.

Конструкции, рассмотренные выше под номерами 1–5, уже отмечались в литературе, посвященной северо-западно-русским говорам и некоторым древнерусским текстам с признаками гибридного языка⁹.

1.6. Конструкция **е/есть** + **императив** представлена всего двумя примерами:

И родителя ведь есть да спомяните-тко! Р 241:203
 И ты ситцем дари ведь есть да новомодным С 470:126¹⁰

⁸ Ср. в олонечком духовном стихе, записанном А. А. Шахматовым: «А тут есть споречит Огапит-царь» [Еремина 2007: 165]; «И я сострою церквы три соборных: Перву церкво е самому Христу, Другу церкво е пречистой Богородици, Третью церкво е Ёгорию Храброму» [Ibid.: 169].

⁹ В одной из первых работ о нестандартных употреблении слова *есть* в северо-западных говорах русского языка приводились диалектные примеры практически на все указанные типы конструкций, в которых *есть/е* в составном сказуемом сочетается с существительным (*его сестра мне-ка золовка есь*), с прилагательным (*один солдат на тебя есь сердит*), с наречием или существительным с предлогом (*да у них сын то е в армии*), с глаголом в наст. вр. (*молчит все боле естя*), в прош. вр. (*я съездила есь в город*), в буд. вр. (*у тебя сын е поидет учиться*), с причастием страд. (*у меня е пол намытый*), с деепричастием (*сестра-то тоже есть посивевши*) [Кузьмина, Немченко 1968]. Немало подобных примеров, почерпнутых из полевых записей, приводится также в работе [Трубинский 1975]. См. еще: [Дементьева 1973; Еадем 1977]. Что же касается материала древнерусских памятников, то конструкции с *есть* анализируются (в сопоставлении с диалектными данными) в работах М. Н. Шевелевой [1993; 2001; 2002; 2006].

¹⁰ Ср. еще пример из записанного А. А. Шахматовым олонечкого духовного стиха: «Ты поди-тко, царь, да к своей дочери [...] Ты е крѣс положи по писаному» [Еремина 2007: 165].

1.7. Конструкция ***е/есть*** + прич. на -л в текстах причитаний по своей структуре аналогична форме древнерусского перфекта, но очевидно не является его реликтом, хотя бы потому, что в древнерусском языке перфект очень рано утратил связку 3-го лица¹¹.

1.7.1. Конструкция ***е/есть*** + прич. на -л СОВ может быть иллюстрирована следующими примерами (на фоне распространенных конструкций без связки):

И корабельщики ведь *е* да испугались! С 286:414

И никого ж, кажись, словечком *не огрубил*,

И я обидным, невольна, *не обидила*,

И я ни малых ведь *е* да недоросточков С 433:338–340

И *пошли* людюшки ведь *е* да всё баловливы Р 83:13

Теперь все *прошло* ведь *е* да миновалось П 182:16

На часу вдруг тут *е* да объявилось,

Стало солнышко за облака туляться,

Настала туча темна неспособная П 202:27

И *не пустыла* хоть родима моя родинка

И на приезды *е* ведь братьяца родимьи Р 172:5–6

И чужих басенок, лебедушко, *ослухалась*

И я у девушек ли *есть* да жалких писенок

И у молодухек да *есть* ли тихих басенок С 369:5–7¹²

1.7.2. Конструкция ***е/есть*** + прич. на -л НСВ также встречается в текстах причитаний (на фоне более распространенных конструкций без связки):

И да мы друг-другу ведь *е* да поклонялися С 454:14

Как в досюльны времена да было годышки:

И *были* людюшки ведь *е* да запростейшии Р 83:4–5

Я сама знаю, горюша, сама ведаю

И про злодийную великую обидушку,

И како да *е* с братцем *расставалась* Р 96:143–145

¹¹ Ср.: «Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица — это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев. Таким образом, связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка, и этим в значительной мере определяется их просодическое и синтаксическое поведение» [Зализняк 2008: 236].

¹² Ср. примеры из духовного стиха в записи А. А. Шахматова: «А во двор ёна тут есть пошла» [Еремина 2007: 167]; «И тут стал да е по полю разъездати» [Ibid.: 168]; диал. Арханг. Там из Москвы теперь уш йесь приехали дак, дом купили [АОС, 13: 158]. См. также: [Пожарицкая 1991: 790–791; Шевелева 1993: 142–147].

И у нас во двори ведь е да не плодилосья Р 212:41
 Я в обидушке ведь е да не живала П 174:23
 Где тонули ведь вы е да во синем море? П 214:284
 И как не издил-то остудник блад отечской сын,
 И он ко этому ведь есть да к океан-морю С 423:59–60¹³

1.8. Конструкция ***е/есть*** + **сослаг. накл.** подтверждается лишь несколькими примерами:

И я закону бы ведь е не принимала бы Р 129:115
 И добры кони тебе были бы обседланы,
 И при седёлышках ведь е да при черкасских Р 213:68–69
 Лучше матушка ведь е да не родила бы Р 244:323

1.9. Конструкции ***е/есть*** + **страд. прич. на -н, -т** в текстах олонечких причитаний представлены следующими примерами:

И не по тысящи залог е положены! С 293:717
 И е повязаны ведь невода шелковыи С 295:798
 И пистолетики ведь е да занаряжены ль? С 326:40
 И у нас девка под тебя да е подлажена
 И молодая-то княгиня е сокручена С 355:315–316
 И е поставлены ведь крепки караульщики! С 363:74
 И е налажены полы-мосты дубовыи
 И е разостланы сукна да одинцовыи! С 368:268–269
 И е повязаны ведь неводы шелковыи
 И е пошиты малогребньи-то лоточки С 384: 169–170
 Как тоской да е письмо да запечатано Р 106:161
 И ты отдана хоть е белая лебедушка Р 231:18
 Знать, все думушки его да е обдуманы П 181:14
Есть подогнаны ступистые лошадушки Р 50:4
 И тоже отданы сердечны есть ведь детушки
 И во злодийную во службу Государеву! Р 229:297–298

¹³ Ср. пример из олонечких записей А. А. Шахматова: «А три церкви строили соборныя, / А перву церков е да самому Христу, / А другу церкву е пречистой Богородици, / А третью церковь е Ёгорию Храблому» [Еремина 2007: 168–169]; «Вы ведь брат е брата не любили» [Ibid.: 170]; арханг. *Не сказывала мне, што тамока иесь ткали; Езь было людей погибало* [АОС, 13: 159].

И е наряжено три грядочки клеймённых;
 И как еще да в тёплопарной тебе баенке
 И е три стопочки поставлено точеных С 368:294–295¹⁴

Примеры конструкций **без связи:**

Там построено хоромное строеньицо,
 Прорублены решётчаты окошечка.
 Врезаны стекольчаты околеника,
 Складены кирпичны теплы печеньки.
 Насланы полы да там дубовыи,
 Перекладинки положены кленовыи [...]
 Порасставлены там столики точеныи,
 Поразостланы там скатерти всё бранные
 И положены там кушанья сахарные,
 И поставлены там питьица медвяные П 42:61–72

И красота взята его да все от пыльника,
 И белота взята его да все от чельника С 288:515–516

1.10. Неопределенные конструкции с *е*

Среди нестандартных конструкций с *е* заслуживают внимания встретившиеся в причитаниях конструкции с неопределенным значением, которым в литературном языке соответствуют неопределенные местоимения и наречия с частицей *-нибудь*: *какой-нибудь*, *где-нибудь* и т. п.

Вы возьмите сироту да переймите-ткось,
 Вы свезите-тко в какое е селенье П 213:226
 И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
 И како да е солдатское живленьице Р 216:11–12
 Знать, боишься ты великова несчастьица,
 Уж какого е злодейна бесталаньица! П 30:14–15
 И хоть каку да ни е весточку послала бы Р 100:56

1.11. Конструкции с отрицательными формами глагола *быть* — *нет/нету*

Согласно Фасмеру, исконной русской формой было *нету* (< *не ю тоу*), а *нет* представляет собой ее упрощение [Фасмер, Трубачев, 3: 67]. В древнерусском языке самое раннее подтверждение формы *нету* — берестяная грамота № 147 (1220–1240): «ѡще сигово нету»; сокращенная форма *нет* (*нѣтъ*) фиксируется с XV в. (НКРЯ). Церковнославянская форма *нѣсть* (ср. *Нѣсть пророка в отечестве своем*) представляет собой

¹⁴ Ср. арханг. *Там картошка пожарена йесь, только снято с печьки-то; Йесь у тебя везде напехано* [АОС, 13: 159].

элемент презентной парадигмы глагола *быти* (*нѣсмь, нѣси, нѣсть* и т. д.) с отрицательной частицей *не* (т. е. *не юсть > нѣсть*).

В текстах причитаний отрицательные формы полнозначного экзистенциального глагола с семантикой отсутствия *нет/нету* употребляются так же, как в литературном языке, и так же управляют Род. п. отсутствующего объекта (как и другие глаголы с отрицанием):

И нет суседушков ведь там да спорядовых,
И нету Божиих церквей да посвященных,
И нету звону на остуды колокольного,
И нет служителей у их да все церковных С 287:475–748

Но, в отличие от литературного узуса, в причитаниях представлены и безличные конструкции с *нет/нету* и неизменяемым страдательным причастием прош. вр.:

И во конюшеньке ведь нет да коня доброго,
И во хлевы да ведь скота нету рогатого,
И нету на́ поли стогов да перегодных,
И нет засыпано засёков хлеба Божьего,
И на ногах нету козловых сапожёночков,
И зимней порой никакой нету шубёночки! С 288:503–508

И вы скажите-ко, народ да люди добрыи,
И уже нет ли у крылечика перёного
и сорока сажен подкопов да подкопано? С 326:36–38

И нет возрощено крылатых ясных соколов,
И нет сердечных надёжных у мяя детушек С 336:18–19

И мне первóй обман от красной этой девушки:
И нет разостлано сукнов да одинцовьих С 381:24–25

И нету стопочек росставлено точеных
И уже нет да трех косевчатых окошечек С 382:43–44

И нет возрощено ведь белых лебедушек,
У мяя зимних на бесёдушке прядиюшек С 337:26–27

Эти безличные конструкции с *нет/нету* и страд. прич. могут быть истолкованы как отрицательные параллели к аналогичным утвердительным безличным конструкциям с *е/есть* (т. е. *не е/есть возрощено, не е/есть ли засыпано* и т. п.).

Рассмотренные выше нестандартные употребления формы 3 л. наст. вр. глагола *быть* в олонекских причитаниях, отличающие их как от русского литературного языка, так и от большинства русских диалектов и северо-западных памятников письменности, чаще всего трактуются

как вырожденные, оторвавшиеся от системы глагола «избыточные» формы: «Нам представляется, что *есть* в составе глагольного сказуемого является элементом, не наделенным никакой специальной функцией, своеобразной «пустой» частицей — элементом, употребление которого не оправдано с точки зрения грамматической системы современных говоров» [Кузьмина, Немченко 1968: 159]. Ср. еще: «Приведенные свидетельства утраты спряжения глагола *быти* в презенсе в высшей степени значимы. Они говорят о том, что не позднее XII в. в живом языке северо-западной Руси форма *есть* превращалась в единую неизменяемую форму наст. времени бытийного глагола» [Шевелева 2001].

Относительно происхождения подобных «избыточных» конструкций с *есть/е* существует два основных мнения, в сущности не противоречащих друг другу. Согласно одному, такие конструкции объясняются структурными изменениями самого русского языка, согласно другому — они являются результатом финно-угорского влияния. Неоднократно высказывалась мысль о том, что эти конструкции возникли под влиянием форм перфекта: «Именно исторической связью с перфектом объясняется, вероятно, тот факт, что *есть* в современных говорах из форм изъявительного наклонения сочетается главным образом с формами прошедшего времени, причем по преимуществу — совершенного вида. В отношении же возникновения сочетаний *есть* с формами настоящего-будущего времени представляется вполне правдоподобной точка зрения В. И. Чернышева» [Кузьмина, Немченко 1968: 158]: согласно Чернышеву, конструкции с формами наст. и буд вр. возникли вторично, под влиянием конструкций с прош. вр. М. Н. Шевелева придерживается подобного мнения: «Наиболее вероятно, что диалектная частица *есть* может быть двоякого происхождения: прежде всего она восходит к связке древнерусского перфекта, превратившейся в неизменяемый модальный показатель — частицу со значением индикативности, подчеркивания реальности существования данного факта (аналогично тому, как превращался в модально-временные частицы вспомогательный глагол других аналитических форм — *бы, будет, было* [...]), однако в части случаев частица *есть* может восходить и к полнозначному бытийному глаголу двупредикатных структур, трансформировавшемуся при соответствующем порядке слов в частицу [...]. Все эти типы конструкций с *есть* — и с полнозначным глаголом в сдвоенных структурах, и с удостоверительной частицей — оформляются достаточно рано и фиксируются уже в памятниках XII–XIII вв.» [Шевелева 2006: 216–217] (далее это показано автором на примерах из псковских летописей).

Однако, поскольку общей тенденцией в истории русского языка было как раз устранение связки наст. вр. в формах перфекта, подтверждаемое материалами письменных памятников с самого раннего времени, то вывод о сохранении конструкций с *есть* под влиянием форм перфекта кажется нелогичным. В отличие от перфекта, полнозначная форма 3 л. ед. числа *есть* бытийного глагола хотя и потеряла в истории русского языка формы лица и числа, не утрачивалась и не превращалась в энклитику, поэтому более вероятным представляется развитие удостоверительной частицы *есть* (которая к тому же — по крайней мере, в причитаниях — сохраняет ударность) в результате трансформации именно полнозначного глагола. В пользу такого суждения говорит и факт параллельного развития частиц из полнозначных форм прошедшего и будущего времени (см. ниже).

Наряду с этим многие исследователи признают, что распространение и устойчивость подобных конструкций обязаны влиянию финно-угорского субстрата. Уже в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко читаем: «[О]бращает на себя внимание то обстоятельство, что большей частотой употребления *есть* характеризуются говоры на территориях, где русские живут в непосредственном соседстве с вепсами и карелами — прежде всего это часть побережья Онежского озера. Заметим также, что диалектные конструкции с *есть* отмечаются и в русских говорах на территории Прибалтийских республик» [Кузьмина, Немченко 1968: 169]. Более определенно о роли финно-угорского влияния высказываются специалисты по северо-западным русским говорам: «Сопоставление этих конструкций [с *есть*] в русских говорах и прибалтийско-финских языках обнаруживает сходство между ними. Это объясняется наличием прибалтийско-финского этнического элемента на территориях русского Северо-Запада» [Дементьева 1977: 28]. См. также [Eadem 1973]. О финно-угорском влиянии на заонежские говоры говорил и А. А. Шахматов (подробнее см. [Гринкова 1947], где приводятся и более поздние данные, подтверждающие это влияние).

2. Основа прошедшего времени *бы-*

От основы прош. вр. образуются личные формы глагола, формы действительных и страдательных причастий, инфинитива, вторичные дериваты — имперфективы, а также частицы, союзы, модальные слова. Этим формам и дериватам глагола *быть* в истории русского языка посвящена большая литература, связанная в основном с судьбой так называемого русского плюсквамперфекта и сослагательного наклонения [Požarićkaja 1991; Пожарицкая 1996; Князев 2004; Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007; Сичинава 2009; Idem 2012; Idem 2018; Добрушина

2016]. Сразу же следует сказать, что форм русского плюсквамперфекта (т. е. конструкций, состоящих из форм прош. вр. глагола *быть* и *л*-причастия) в текстах причитаний, в отличие от говором Архангельской обл., описанных С. К. Пожарицкой [1991; 1996], не обнаружено. В работе [Пожарицкая 2010] рассмотрены модальные слова, образованные от глаголов *быть*, *бывать*, в русской диалектной речи; многие из них известны и текстам олонетских причитаний. Рассмотрим присутствующие в них формы, восходящие к основе прош. времени, в их специфических (нестандартных) употреблениях (личные формы глагола и связки прош. времени в составных сказуемых не отличаются от литературной и общерусской нормы).

2.1. Конструкции с инфинитивной связкой *БЫТЬ*

Инфинитив-связка глагола *быть* в текстах причитаний употребляется в основном в безличных конструкциях с модальными предикатами *надо*, *наб* ('надо бы'):

И безответной наб горюше быть работницей Р 181:229

В этих конструкциях инфинитивная связка ведет себя так же, как инфинитив полнозначных глаголов, ср.:

И наб смиреннице держать да всё со кротостью

И наб по улочке ходить, бедной, тихошенько,

И буйна голова носить надо низёшенько Р 150: 219–222

В независимом употреблении в сочетании с глаголами *надеяться*, *радеть*, *чаять* и т. п., так же как и в придаточных предложениях, управляемых этими глаголами, инфинитивная связка *быть* имеет семантику предстоящего, ожидаемого и часто (особенно при отрицании) нежелательного состояния:

И не начаялись солдаты, не надиялись,

Што ведь в живности победным быть головушкам! Р 189: 86–87;

И не радио я, солдат несчастной,

И никакому-то теперь да неприятелю,

И столько быть да все во службы Государевой Р 203:735–736;

И не радио я, победная головушка,

И тоби быть да в грозной службе Государевой! Р 66:41–42

В следующем примере инфинитивная связка *быть* употреблена в оптативной конструкции с частицей *да* (правда, здесь трудно отличить оптативное *да* от обычной частицы с утвердительной функцией, аналогичной частицам *ведь*, *столько*, *как*, *ка*, *тко* и т. п.):

И на ученице да быть бы мне понятному,
И сохранил бы мене Господи помиловал Р 177:51–54.

Наконец, инфинитивная связка возможна, как и в литературном языке, в изъяснительном придаточном с вопросительной частицей *ли*:

И не могу да знать, удалой доброй молодец,
И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке! Р 90:324–325.

2.2. Конструкции с частицей *бы*

Бы (б) в разных синтаксических функциях (частица, союз) представляет собой реликт формы 3 ед. аориста глагола *быть* [Аникин, 5: 269]. Обстоятельное исследование Н. Р. Добрушиной, посвященное сослагательному наклонению в русском литературном языке, а точнее, как сказано в аннотации, «грамматическим употреблением частицы *бы (б)*», т. е. ее употреблением в сочетании с личными формами прош. времени, инфинитивом, предикативом, существительным и другими неглагольными единицами [Добрушина 2016: 10], дает возможность выявить и интерпретировать на фоне литературного языка специфику языка олонечских причитаний в отношении функций и семантики частицы *бы*. С. К. Пожарицкая подробно рассмотрела функции *бы* в севернорусских говорах, выделив следующие типы: 1. двучленная конструкция с противительными частицами *да, дак, а, но, только* с предикативами или глаголами в наст. и прош. вр. (*Мне бы охота сходить, да некогда; Она зовет бы, да я не хочу; Они бы не запрещали, но мы не могли*); 2. *бы* в сочетании с одним предикатом (*Она бы поет; У нас земля бы очень хорошая*), где *бы* аналогично частице *ведь*; 3. *бы* в сочетании с императивом (*Чего хош бы делайте; Хоть топеря бы поезжай*) [Пожарицкая 2010: 105–113]. В языке причитаний такие конструкции с частицей *бы* не отмечены. Но в них представлены другие нестандартные типы употреблений. При этом формы сослагат. накл. с глаголами прош. вр. в олонечских причитаниях не отличаются от соответствующих конструкций литературного языка и других диалектов, ср.:

Кабы видели злодийную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовый,
Мы бы слали скатерти да тонкобранные,
Положили бы ей вилки золочёные,
Положили б остры ножички булатнии,
Нанесли бы всяких естувшек сахарניים,
Наливали бы ей питъица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смерётушку
Как за этии столы да за дубовый,
И ласково бы ей тут говорили П 26:46–55

Дал бы Господи талану вам бы участи П 46:45
 И тут несчастна бы головка не клонила Р 74:366
 И ты б просила бы прощенья с благословеньцем С 335:34
 Как была бы я, белая лебедушка,
 В своем доме, в светлой светлице,
 Я сидела б под косевчатым окошечком,
 Я глядела б на широкую на уличку П 143:49–52
 Сама вышла б на крылечико перёное П 143:58
 Почитали б тебя сродчи-милы сроднички,
 Не обидили б, победную головушку! П 182:13–14

2.3. Модальные конструкции *бы* + *инфинитив*

В литературном языке безличные конструкции с модальным предикативом и инфинитивом в желательном или контрфактивном значении представлены двумя типами: с частицей *бы* (*Надо бы поест!*) или с частицей *бы* и связкой *было* (*Надо было бы поест!*); и те и другие считаются весьма архаическими [Пичхадзе 2010: 21; Добрушина 2016: 128]¹⁵.

Конструкция *бы* + инфинитив (как НСВ, так и СОВ) в олонетских причитаниях имеет семантику сожаления о желательном, но не исполненном действии ('надо было бы сделать, но не было сделано'):

Я проглупала родитель-свою матушку:
 Мне держать бы-то родитель во белых руках,
Прижимать бы мне родитель ко белым грудям,
Не давать бы мне злодийке-душегубице! П 66:29–32;

В киселю бы им злодиям задавится,
 В пресно молочко злодиям бы залитися!
 И гля этих бы гостишек нелюбимых,
 И только для этих людишек некорыстных,
 И им собрать бы то на дверную на лавочку,
 И столько класть да коробейчанко бездонная,
 Скатерётка положить да однозубная,
Им бы ложки положить да всё ольховый,
 И столько чашенька им класть да ведь осинова,
Им бы хлеба положить столько сухова,
 И квасишку подливать им бы пряснова,
 И лучиночка зажгать бы им соснова,
 Во трех дымах бы она да все дымлёная
 И недостойны бы ведь этии людишечка,
 И как сидеть да за моим столом дубовый!

¹⁵ Опускание связки в сослагательном наклонении отмечено в берестяной грамоте XI–XII вв. № 752: *аже бы ти годнь* [Зализняк 2004: 143].

И все не этому бы князю за столом сидить,
И не мне-кова ходить да столько подчивать! С 284: 327–338¹⁶

2.4. Модальные конструкции *было* + инфинитив

В олонечких причитаниях, помимо рассмотренных в предыдущем разделе безличных конструкций с частицей *бы* (*Им бы хлеба положить сухова*) в контрфактивном значении, используется специфическая конструкция без предикатива с одной лишь связкой *было* (т. е. не *Тебе бы поеть*, а *Тебе было поеть*), по существу синонимичная конструкции с бессвязочным *бы*. Эта конструкция с *было* функционально и семантически соответствует литературным и диалектным конструкциям с предикативом и связкой *было* без частицы *бы* (*Надо было поеть*) с семантикой сожаления по поводу несостоявшегося (неисполненного) действия. Однако в данном случае обнаружены примеры только с глаголами (инфинитивами) СОВ.

В СРНГ эта частица документируется только олонечкими примерами [СРНГ, 3: 346]¹⁷.

И мне-ка стать было, невольной красной девушке,
И мне на резвы стать дево́чи эты ноженьки, [...]
И мне пройти было, невольной красной девушке,
И со унылого пройти да задня уголка,
И по единой дубовой мостиночке С 313:1–7

И мне воздать было спасибо с благодарностью,
И мне-ка низкий поклон да с челобитьцем С 319:11–12

И нонь пойти было, невольной красной девушке,
И мне по в́ысоку пойти да всё по терему
И повзыскать да возлюблённу мою сватушку С 332: 77–79

Мне пойти было, кручиной головушке,
Мне во эты мелкорубленные клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золочёныи,
Отмкнуть было ларцы да окованныи,
Мне-ка вынять там жилеточки шелко́вые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьицо
На свои мне-ка на белы эты рученьки! П 49:1–7

¹⁶ Ср. в записях А. А. Шахматова: «И не этим бы, родителёк, Добрым коням у крыльца стоять. И не этим бы гостюшкам за столом сидеть» [Шахматов 1948: 44:40–42]. Ср. еще конструкцию с модальным предикативом: «Делайте гробнищю не малую — Можно бы двоим лежать, Можно бы сидя сидеть и сто́я стоять» [Ibid.: 71:81–82].

¹⁷ Аналогичные употребления частицы, производной от основы прош. вр. бытийного глагола, известны в украинском и белорусском Полесье: волын. «Було ни савити, ни варварити, а сорочку справити» [Аркушин 2016: 43]; брест. «Було ны варварыты й ны савыты, а трэба було кудільку совгаты» [Климчук 1968: 23].

Мне пойти было, кручинушке,
 Ко могилушке муравчатой,
 Мне припасть было, победнушке,
 Тут ко матушке-сырой земле П 71–72:9–11

И нонь пройти надо солдатушку несчастному,
 И мне во Божью пройти церковь посвященную,
 И попросить было попа-отца духовного Р 228:247–249

В одном из примеров при отсутствии модального предиката оптативное значение связки-частицы *было* усиливается добавлением модальной частицы *бы*:

И утереть да красной девушке,
 Мне-ка было бы ведь личушко! С 427:56–57¹⁸

2.5. *Бы* в безглагольных конструкциях

В некоторых случаях частица *бы* выражает модально-оптативное значение независимо от глагола, вне конструкции сослагательного наклонения или конструкции с инфинитивом, в сочетании с именной частью сказуемого при нулевой связке:

Не списали мы родителя-то батюшка
 На потрет да его бело это личушко,
 На эту на гербовую бумаженьку,
 Его желты бы завивный кудёрьшки,
 Его ясно развеселое бы личушко,
 Прелестны бы, учтивьи словечушки,
 Велико бы родительско желаньицо! П 27: 95–101

«Во трех дымах бы она [лучиночка] да все дымлёная
 И недостойны бы ведь этии людишечка
 И как сидеть да за моим столом дубовым!» С 284: 334–335

В приведенных примерах трудно определить синтаксическую функцию частицы *бы* из-за вероятной эллиптичности всей фразы, в которую она включена. Скорее всего это *бы* все-таки связано с опущенным предикатом с оптативным значением, т. е. всю конструкцию можно было бы реконструировать примерно так: 'мы не списали его портрет, а [надо было бы списать = списать бы] его развеселое личушко и т. д.'

¹⁸ В олонечких записях А. А. Шахматова встречаются подобные конструкции с инфинитивом с ирреальной семантикой, в которых, однако, фигурируют не только безличное *было*: «Недосуг ему да тёмной ночки спать. Ему вряд ли было добрых коней искать» [Еремина 2007: 166, строки 86–87], но и личные формы прош. вр. глагола *быть* со значением долженствования: «Благодарствую, князь ст[ольнокиевс]кий, на твоём на чётном пиру; не дочку быў я сватати, а был Ставра из погребя выручивати» [Шахматов 1948: 54].

Частица *бы* в олонечких причитаниях не имеет фиксированного порядка в целевых и оптативных конструкциях ни в отношении предиката, ни в отношении союза и может прикрепляться к разным членам конструкции, что создает эффект **иррадиации оптативности** в тексте:

И попрошу светов-желанных родителей,
 И штобы наняли ведь баенных истопщичков
 И ключевой воды оны да водонощичков,
 И што топили бы ведь парну эту баенку
 И про меня да все про белу бы лебедушку,
 И мне умыть да свое белое бы личушко,
 И мне-ка синь измыть, невольной, с-под ясных очей,
 И мне-ка печаль со ретливого сердечушка,
 И горьки слезушки измыть да со ясных очей,
 И учесать да мне-ка блада бы головушка,
 И уплести да мелкопрядна мне-ка косынька! С 300: 1044–1053

2.6. **Бы** в функции **сравнительного союза** известно не только олонечким, но и другим русским говорам [СРНГ, 3: 335].

Ср. фрагмент причитания, где сравнительный союз *бы* выступает в чередовании с другими сравнительными союзами — *как, быв*:

И как до этой до студёной, холодной зимы,
 И быв свеща у нас была да нетоплёная,
 И как верба да был, наш свет-то, золочёная,
 И бы сахарная он был да деревиночка,
 И как налимная изюмна ягодиночка! Р 59:18–23

2.7. Сравнительные союзы *быв* и *быв как*

Союз *быв* исторически представляет собой форму действ. причастия прош. вр. глагола *быть*. В функции сравнительного союза он отмечен только в архангельских и олонечких говорах [СРНГ, 2: 335].

И принаехали рассказы-сваты большие
Быв гроза да превеликая С 278: 47–48
 Я быв птиченька в темном лесе пугаюся П 84:13.
 В темном лесе быдто бор да разгоряется,
 Во все стороны быв пламень как кидается П 232:60
 И быв от тученьки-от грома испугалася
 И я от этого блада сына отечского С 320:24
 И красны девушки миня да сторонилися,
 И быв чужанина миня да полошилися! Р 65:36
 И быдто белочки солдатушки поглядают,
 И быв упалы серы заюшки посматривают Р 70: 222–223

И быв как летная трава да подкошённая,
И точно рыбинка во сетку изловлённая! Р 214:119

Тучи нет, а быв как гром гремит,
Грому нет, а искры сыплются! Р 236:12–13

И быв кокоша в сыром бору вскоковала,
И темну ноченьку она протосуковала,
И все горячима слезама обливалася! Р 242:229–231.

И я тонка иду, невольна, как тетиночка,
И зелена иду быв вёшная травиночка С 327:72.

И у стола да мои детушки едучи,
И во фатеры мои дити хлопотливыи,
И быв на улички, сердечныи, дурливыи! Р 164: 31–33.

3. Основа будущего времени *буд-/бьд-*

Параллелизм форм *буд-* и *бьд-* в текстах причитаний представляет собой не морфологическое явление, т. е. не синкретизм основ прошедшего и будущего времени глагола *быть*, а продукт фонетического варьирования *у~ы* после губного согласного, ср. еще формы императива: *будь, буди* и *бьдь, бьди*: «И бьдь великим мне желаньицем!» С 467:14, а также приставочные дериваты глагола *быть* типа *не забыдь* 'не забудь': «Не впадись в тоску — великую кручинушку, Не *забыдь* своей надежной головушки» П 206:85–86 или «И с перелоху-то *сбыдут* белы рученьки И тут падёте вы во синее во морюшко» Р 105:97–98: *сбыдут* от *сбыть* 'сойти, соскочить' ([СРНГ, 36] с пометой *олонец.* и иллюстрацией именно этими примерами из Барсова). В украинском языке претеритная основа праславянского глагола **byti* имеет единственный вариант *бу-*, который представлен в инфинитиве, личных формах прош. вр., в итеративе со значением 'бывать' и других дериватах (*бути, був, була, були, бувати*), что принято объяснять влиянием основы *буд.* времени [ЕСУМ, 1: 309]. Это не единственная параллель севернорусских диалектов с украинским языком, см. выше *олонец.* модальную частицу *было* в сочетании с инфинитивом.

3.1. В конструкциях **будущего времени** как полнозначных глаголов, так и связки (с инфинитивом или в составе именного сказуемого) язык олонетских причитаний не отличается от литературного языка и общерусской нормы:

И за одним, може, столом да вы там будете Р 67:82

И челой полк буде солдатов новобранных С 291:615

И ты ведь пъясок носить будешь слабёшенько Р 60:84

И мы глядеть будем, кручиныи головушки,
 И на печальну перелётну малу птиченьку Р 101:85
 И тут пугаться буде вольна моя волюшка! С 350:84
 Уеданьце вам будут ведь сухарики
 И вам питемьце-то — водушка со ржавушкой! Р 73:352–353
 И тут избита-то бессчастлива будет спинушка
 Всё подбиты будут ясны твои очушка,
 Исколочена бессчастлива буде тулова Р 73:336–338

3.2. Буде, будет + е

Такие конструкции, вероятно, представляют собой сочетание составного сказуемого со связкой в будущем времени и «удостоверительной» частицы *е* (ср. выше конструкции *е/есть* + презенс СОВ), тем более что *е* не согласуется с субъектом по числу:

И будет девушка у нас да во белых руках
 И буде волюшка ведь е да во золотых перстнях С 355:337–338
 И все купи будут сестрицы е родимыи С 444:16

Конструкции этого типа сохранились в условных придаточных с союзом *буде(т)*. См. ниже.

3.3. Безличная конструкция *буде(т)* + инфинитив со значением предопределенности, предстоящего действия или состояния

В этих конструкциях семантика будущего времени сохраняется в большей степени, чем в литературных конструкциях без *будет*: ср. *Не бывать (мне) на родине* и *Не бывать на родимой будет родинке*. Ср. выше «симметричную» конструкцию с *было* в сочетании с инфинитивом. Если *будет* в сочетании с инфинитивом имеет модальное значение и соотносится с будущим временем: ‘надо будет, предстоит, придется’, то *было* в сочетании с инфинитивом имеет аналогичное значение применительно к прошлому: ‘надо было, следовало’:

И не бывать да на родимой буде родинке!
 И не хаживать по хоромному строеньицу,
 И нам не сизживать во светлой буде светлице! Р 57:69–71
 И горевать будет победной мне головушке,
 И сиротать будет бессчастливым нашим детушкам,
 И коковать буде победной мне кокошице,
 И во обиде жить бессчастливым дѣтям малым! Р 121:44–47
 И уж как нынѣ да ведь победной мне горящице
 И буде три поля кручины изнасят Р 155:17–18

Не видать буде крестовой больше матушке
Милое крестово свое дитячко П 120:27–28

Мне-ка жаль тебя, дитё мое духовное,
Ужо как тебя будет сохрани,
От великой беды мне оградити? П 242:78–80

И как ведь жить буде победной мне головушке
И без тебя, да тёпло-красное мое солнышко! Р 130:136–137

И как охоч ходить остудник да захаживать,
И он по темным по долгиим по ноченькам,
И сожидать да буде белой мне лебедушке!
И буде ноженьки держать да на дороженьке,
И белы рученьки держать да на заложечке,
И буйна голова держать да во окошечке,
И ясны очушки держать да во чистом поле,
И умом-разумом смекать да во все стороны
И он которой придет путем-дороженькой? С 289:535–543

И буде три года с неволищем свыкаться С 298:918

И теби ждать буде блада сына отечского С 356:358

И хоть жалиешь дитё бедное,
И дорогу да ейну волюшку,
И побудить да будет девушку! С 419:83–85

И мы не год ларчи копили,
И мы не в день да сподобили,
И в один час да розорить будет! С 420:164–166

И хотя ж долго мне-ка ж, воли, возноситься,
И в один час буде неволи покориться! С 462:187–188

3.4. Союз *буде(т)* с условным значением 'если' в сочетании с глаголом в форме наст.-буд. вр.

Союз *буде* в этом значении известен литературному языку в качестве устаревшего и просторечного; его происхождение связывается с распадом составных форм буд. вр. и развитием новых функций у глагола-связки [Аникин, 5: 44]. В условных конструкциях он известен и русским диалектам [СРНГ, 3: 242–243], в том числе в разнообразных значениях – севернорусским [АОС, 2: 159] (при этом многих значений союза и частицы, приводимых в АОС, в текстах олонетских причитаний нет). Союз *буде* в севернорусских диалектах подробно рассмотрен С. К. Пожарицкой, которая выделяет два противопоставленных севернорусских ареала с разной функцией союза: 1) северо-западный, где *буде* употребляется как сравнительный союз, и 2) юго-восточный, где *буде* имеет функцию условного союза [Пожарицкая 2010: 118–129]. В

олонецких причитаниях представлен только второй из этих типов, т. е. *буде(m)* в значении условного союза ‘если’:

Буде грубо тебе скажут – не бранить их статью! П 40:51

Буде жизнь да долговика моя продлится,
Душа грешная моя да проволочится. П 46:48–49

И буде возрашусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровского,
Росчитаюсь я за ваше утруженьице
И за молитовки-то ваши ведь церковнии! Р 53:21–24

И будет Господи Бладыко не помилует
И от злодийной тобя службы Государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походныйи,
И ты во дальнюю путь-широку дороженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку! Р 67:69–73

И буде скажут мне весточку хорошую,
И скажут низкое поклонно челобитьице
И от тебя, да всё от белой от лебедушки,
И я возрадуюсь, печальная головушка! С 310:406–409

3.5. *Буде* + глагол в прош. вр.

Форм так наз. предбудущего (т. е. конструкций со вспомогательным глаголом *буду* в сочетании с *л*-причастием) в текстах Барсова нет (ср. [Пенькова 2010; Шевелева 2008]). В сочетании с глаголом прош. времени (в том числе в конструкции сослагат. накл.) *буде* выступает в функции условного союза или модальной частицы со значением предположения: ‘видно, видимо, вероятно’:

И буде шел бы я во службу Государеву
И едина ж была победна бы головушка! Р 211:51–52

Буде на то ты приразгневался,
Для того сходила, беднушка,
Што ко этым ко праздничкам! П 60:32–34

Таким образом, функциональный диапазон формы *буде(m)* в языке олонецких причитаний может быть представлен следующим образом: 1) форма полнозначного глагола (в приводимом ниже тексте отсутствует), 2) связка составного сказуемого в буд. времени (выделена подчеркиванием), 3) условный союз (выделен полужирным), 4) побудительная перформативная конструкция со значением ‘пусть будет’ (выделена курсивом):

И **буде** Богом я, невольна, буду сужена,
 И родом-племенем, невольна, буду сведена,
 И во Божьей церкви попом-отцем обвенчана,
 И я за этим за бладым сыном отечским,
 И каково буде на чужой жить сторонущке?
 И **буде** хорошо на чужей жить сторонущке,
 И запишу да вас во вичное спасаньице!
 И **буде** худо жить на чужой на сторонущке,
 И *буде* вичное ведь вам да проклинаньице
 И от меня *буде* от белой от лебедушки! С 300:1030–1039

3.6. Сравнительный союз *будто/ быдто* 'как будто, словно, как'

Происходит из формы 2 и 3 л. императива и местоимения *то* [Аникин, 5: 53]. Употребление его в причитаниях не отличается от литературного узуса:

Уже так да будто разумом смекнула я
 Уже быть да как суседке спорядовой? П 126:89–90
Будто с родной она дочерью похаживат! П 196:34
 И будто шуточку, лебедушка, шутила С 280:126
 И будто утушка ведь воля подстрилённая С 327:109
Будто заюшки во пасточки,
 Горностаюшки в неволюшки,
Будто утушки подстрелены,
 Как лебедушки поиманы,
 Во неволюшку посажены,
 Во управушку свожены,
 На жеребей положены,
 На бумаженьку записаны,
 В путь-дороженьку направлены,
 Во солдатушки назначены! Р 108:13–23
 И наша милая скаченная жемчужинка
 И быдто деревцо, наш свет, да подсечёное [...]
 И быдто вёшная земля да ворошенная [...]
 И быдто рыбинка во сетку изловлённая
 И как ясен сокол во клетку посаженный! Р 59:25–32

3.7. Императив *будь, буди / быдь, быди*

О параллелизме форм с *у* и *ы* было сказано выше. Формы императива употребляются в функции связки в сочетании с именной частью составного сказуемого или причастием:

На походочку будь все крепливая,
 На ричну будь поговорку чваковитая П 113:34–35
Быдьте прокляты, злодии супостаты Р 102:1
 И буди проклята остуда- чужа сторона С 414:256
 И быди проклята та служба Государева Р 129:122
 Уж ты быдь-ко ты, утыла синя завеска,
 И мне стеной да быдь-ко ты да городовой С 464:29–30
Быдь заступой-заборонушкой,
 Мне, души да красной девушке
 И быдь великим мне желаньцем С 467:12–14

3.8. *Будь* + инфинитив (аналитическая форма императива)

Эта конструкция представлена единственным примером:

И будь стеной стоять, крестова, городовою,
 И как приедут-то роскázky- сваты ббльшии С 339:60–61

* * *

Таким образом, тексты олонечких причитаний в целом подтверждают отмеченную для севернорусских говоров и для письменных памятников северо-западной зоны общую тенденцию к развитию у личных форм и дериватов основ глагола *быть* в настоящем, прошедшем и будущем времени модальных значений и превращению их в служебные элементы (союзы, частицы) через утрату форм словоизменения [Пенькова 2010; Пожарицкая 2010; Сичинава 2009; Idem 2012; Шевелева 2001]. В олонечких причитаниях при отсутствии некоторых функциональных типов дериватов глагола *быть*, исследованных в работах С. К. Пожарицкой и других названных выше авторов, представлены специфические формы и конструкции, до сих пор не попадавшие в поле зрения диалектологов, такие как союз *быв* и *быв как*, модальное слово (частица) *было* в сочетании с инфинитивом, аналитическая форма императива (конструкция *будь* плюс инфинитив), *бы* с модальным (оптативным) значением в безглагольной конструкции, неопределенные местоимения-прилагательные *какой е*, *какой да ни е*, варьирование основы буд. вр. *буд*-/*быд*- и др. Как показывают исследования древнерусских письменных памятников этого региона, проявления этой тенденции относятся к весьма древнему времени, но они обнаруживают себя и в современных диалектах, и в языке фольклора. Явления такого морфологического вырождения известны и в литературном языке, но в диалектных, фольклорных и письменных текстах они гораздо разнообразнее. Еще одна заметная тенден-

ция связана с сохранением или даже усилением аналитизма, присущего древнейшим составным формам времени в праславянском языке. По мнению В. Н. Топорова, «известные данные об образовании перфекта в старославянском в сочетании со статистическими сведениями и общетеоретическими воззрениями на соотношение частоты употребления и специфики значения заставляют думать, что образования типа *pisalъ jesmь* в старославянском языке еще не полностью, строго говоря, выкристаллизовались в особую форму прошедшего времени, а представляли собой более или менее факультативное образование аналитического настоящего времени. [...] Значение ее составных частей осознавалось достаточно ясно и изолированно, особенно в противопоставлениях типа: *pisalъ jesmь* – *pisalъ bylъ* – *pisalъ bьdq* – *pisalъ bimъ*, с одной стороны, и *pisalъ jesmь* – *pisavъ jesmь* – *pišę jesmь* – *pisanzъ jesmь*, с другой» [Топоров 1961: 40]. Приверженность аналитизму отмечалась и исследователями древнерусского языка: «Вопрос состоит в том, с чем связана эта характерная для северо-западной книжности общая привязанность к аналитизму. Причины, видимо, и здесь связаны с соотношением церковнославянской нормы и диалектной системы» [Шевелева 1993: 149]. Относительно составных конструкций с «избыточными» формами глагола *быть* подозрение в том, что неизменяемые, застывшие формы бытийного глагола в какой-то степени сохраняют свою экзистенциальную семантику, высказываются и историками языка, и диалектологами.

Остается еще вопрос, насколько материал фольклорных текстов может быть релевантным для истории и диалектологии русского языка. Долгое время считалось некорректным делать на его основании какие бы то ни было исторические выводы, поскольку язык фольклора представлялся неким особым языковым идиомом. В действительности этот вопрос, как показали такие авторитетные ученые, как Р. О. Якобсон [1962] и П. Г. Богатырев [1962], не так прост. Если язык конкретных фольклорных текстов и отклоняется от аутентичного языка местности, где они записаны, то эти отклонения, как правило, объясняются или влиянием соответствующей литературной нормы, или влиянием соседних «престижных» диалектов, или влиянием соседствующих иноязычных моделей. Во всяком случае эффекты этих влияний вполне поддаются выявлению и не снижают ценности содержащейся в фольклорных текстах языковой информации. Более того, в силу своей устойчивости, клишированности фольклорные тексты нередко сохраняют ценнейшие архаизмы из области лексики, семантики, синтаксиса, морфологии и даже фонетики. Поэтому их никак нельзя сбрасывать со счетов при языковой реконструкции.

Библиография

Аникин, 1–13–

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–13–. Москва, 2007–2019–.

АОС, 1–22–

Архангельский областной словарь, под ред. О. Г. Гецово́й, 1–22–, Москва, 1980–2022–.

Апресян 2013

Апресян Ю. Д., *Словарная статья глагола БЫТЬ: исправленное и дополненное издание, Slavica Svetlanica. Язык и картина мира*, Москва, 2013, 9–30.

——— 2014

Апресян Ю. Д., *Быть, Активный словарь русского языка*, под ред. Ю. Д. Апресяна, 1: А–Б, Москва, 2014, 394–401.

Аркушин 2016

Аркушин Г., *Словник західнополських говірок*, 2-е вид., перероб., випр. і допов., Луцьк, 2016.

Барсов 1997

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, 1: *Похоронные причитанья*, 2: *Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья*, Б. Е. Чистова, К. В. Чистов, подгот. изд. (= Литературные памятники), С.-Петербург, 1997.

Бенвенист 1974

Бенвенист Э., *Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке*, Idem, *Общая лингвистика*, Москва, 1974, 203–224.

Богатырев 1962

Богатырев П. Г., *О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи*, *Вопросы языкознания*, 3, 1962, 75–86.

Гринкова 1947

Гринкова Н. П., *К изучению олонечких диалектов*, А. А. Шахматов. 1864–1920. *Сборник статей и материалов*, под ред. акад. С. П. Обнорского, Москва, Ленинград, 1947, 345–390.

Дементьева 1973

Дементьева В. И., *Конструкции с глагольной формой есть (от быть) в современных русских говорах на территории Северо-Запада* (Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук, Москва, 1973).

——— 1977

Дементьева В. И., *К вопросу о причинах более широкого функционирования конструкций с глагольной формой есть в русских говорах на территории Северо-Запада по сравнению с остальными русскими говорами*, *Kalbotyra = Языкознание*, 27/2, 1977, 27–37.

Добрушина 2016

Добрушина Н. Р., *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*, Прага, 2016.

Еремина 2004

Еремина В. И., А. А. Шахматов. *Страницы жизни, Русский фольклор*, 32: *Материалы и исследования*, С.-Петербург, 2004, 3–47.

——— 2007

Еремина В. И., *Духовные стихи в записи А. А. Шахматова*, *Из истории русской фольклористики*, 7, С.-Петербург, 2007, 161–171.

ЕСУМ, 1–6

Этимологичний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

——— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Исаченко 1976

Исаченко А. В., Потеря глагольных форм в русском языке (1939), Isačenko A. V., *Opera selecta. Russische Gegenwartsprache, russische Sprachgeschichte. Probleme der slavischen Sprachwissenschaft* (= Forum slavicum, 45), München, 1976, 12–20.

Климчук 1968

Климчук Ф. Д., Специфическая лексика Дрогичинского Полесья, *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря*, Москва, 1968, 20–70.

Князев 2004

Князев Ю. П., Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке, *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник в честь Н. Д. Арутюновой*, Москва, 2004, 296–304.

Кузьмина, Немченко 1968

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах, *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 2, Москва, 1968, 144–170.

Пенькова 2010

Пенькова Я. А., *Будеть* как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков), *Вопросы русского языкознания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой*, С. В. Князев, А. В. Птенцова, сост., М. Л. Ремнева, С. В. Князев, отв. ред., Москва, 2010, 208–215.

Петрухин, Сичинава 2006

Петрухин П. В., Сичинава Д. В., «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе, *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 193–214.

Пичхадзе 2010

Пичхадзе А. А., Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках, *Вопросы языкознания*, 5, 2010, 14–24.

Пожарицкая 1991

Пожарицкая С. К., Семантика некоторых форм прошедшего времени глаголов в севернорусском наречии, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

——— 1996

Пожарицкая С. К., Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области, *Общеславянский лингвистический атлас*, 21: *Материалы и исследования. 1991–1993*, Москва, 1996, 268–279.

——— 2010

Пожарицкая С. К., Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать* в севернорусской диалектной речи, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2010, 103–131.

Сичинава 2009

Сичинава Д. В., Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы, *Вопросы русского языкознания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой*, С. В. Князев, А. В. Птенцова, сост., М. Л. Ремнева, С. В. Князев, отв. ред., Москва, 2009, 192–199.

——— 2012

Сичинава Д. В., Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2012, 257–284.

- 2013
Сичинава Д. В., *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*, Москва, 2013.
- 2018
Сичинава Д. В., Плюсквамперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики, *Славянское языкознание, XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва, 2018, 244–266.
- СРНГ, 1–52–
Словарь русских народных говоров, 1–52–, Москва, Ленинград/Санкт-Петербург, 1965–2021–.
- Топоров 1961
Топоров В. Н., К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола, *Вопросы славянского языкознания*, 5, Москва, 1961, 35–70.
- Трубинский 1975
Трубинский В. И., К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*), *Севернорусские говоры*, 2, Ленинград, 1975, 148–162.
- Хабургаев 1978
Хабургаев Г. А., Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*, 4, 1978, 42–53.
- Фасмер, Трубачев, 1–4
Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва, 1964–1973.
- Циммерлинг 2021
Циммерлинг А. В., *От интегрального к аспектвному*, Москва, С.-Петербург, 2021.
- Шахматов 1886
Шахматов А. А., Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 48/1, 7, Москва, 1886.
- 1948
Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье, подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. А. Шахматовой-Каплан, предисловие М. Азадовского, Петрозаводск, 1948.
- Шевелева 1993
Шевелева М. Н., Аномальные церковнославянские формы с глаголом БЫТИ и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы), *Исследования по историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева*, Москва, 1993, 135–155.
- 2001
Шевелева М. Н., Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть*, *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сб. статей к 80-летию К. В. Горшковой*, Москва, 2001, 199–216.
- 2002
Шевелева М. Н., Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*, 5, 2002, 55–72.
- 2006
Шевелева М. Н., Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях, *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 215–241.

——— 2007

Шевелева М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2007, 214–252.

——— 2008

Шевелева М. Н., О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке, *Вестник МГУ. Сер. 9: Филология*, 6, 2008, 34–57.

ЭСЯ, 1–42–

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, 1–42–, под ред. О. Н Трубачева, Москва, 1974–2021–.

Якобсон 1962

Якобсон Р. О., О соотношении между песенной и разговорной народной речью, *Вопросы языкознания*, 3, 1962, 87–90.

Mel'čuk 2019

Mel'čuk I., Russian U Y-a est' / – X constructions, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2019, 7–45.

Požarickaja 1991

Požarickaja S. K., Семантика некоторых форм прошедшего времени глаголов в севернорусском наречии, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

References

Апресьян Ю. Д., *Byt'*, Idem, ed., *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka*, 1: A–B, Moscow, 2014, 394–401.

Апресьян Ю. Д., *Slovarnaia stat'ia glagola BYT': ispravlennoe i dopolnnoe izdanie, Slavica Svetlanica. Iazyk i kartina mira*, Moscow, 2013, 9–30.

Arkushyn H., *Slovník zakhidnopolis'kykh hovi-rok*, 2nd ed., Lutsk, 2016.

Astakhova A., Shakhmatova-Kaplan S. A., eds., *Fol'klornye zapisi A. A. Shakhmatova v Prionezh'e*, Petrozavodsk, 1948.

Benveniste E., *Glagoly «byt'» i «imet'» i ih funkicii v iazyke*, Idem, *Obshchaia lingvistika*, Moscow, 1974, 203–224.

Bogatyrev P. G., On the language of Slavonic folk-songs and its relation to dialect speech, *Voprosy Jazykoznanii*, 3, 1962, 75–86.

Chistov K. V., Chistova B. E., eds., *Prichitan'ia Severnogo kraia, sobrannye E. V. Barsovim*, 1: *Pohoronnye prichitan'ia*, 2: *Rekrutskie i soldatskie prichitan'ia. Svadebnye prichitan'ia*, (= Literaturnye pamiatniki), St. Petersburg, 1997.

Dementjeva V. I., On the Reasons of a Widener Functioning of Constructions with the Verbal Form “to be” in Russian Dialects Spoken in the North-Western Area in Comparison with the Rest of Russian Dialects, *Kalbotyra*, 27/2, 1977, 27–37.

Dobrushina N. R., *Soslagatel'noe naklonenie v russkom iazyke: opyt issledovaniia grammaticheskoi semantiki*, Prague, 2016.

Eremina V. I., A. A. Shahmatov. *Stranicy zhizni, Russkii fol'klor*, 32: *Materialy i issledovaniia*, St. Petersburg, 2004, 3–47.

Eremina V. I., *Duhovnye stihy v zapisi A. A. Shahmatova, Iz istorii russkoi fol'kloristiki*, 7, St. Petersburg, 2007, 161–171.

Grinkova N. P., K izucheniiu oloneckikh dialektov, A. A. Shahmatov. *1864–1920. Sbornik statei i materialov*, S. P. Obnorsky, ed., Moscow, Leningrad, 1947, 345–390.

Isačenko A. V., *Poteria glagol'nyh form v russkom iazyke* (1939), Idem, *Opera selecta. Russische Gegenwartsprache, russische Sprachgeschichte. Probleme der slavischen Sprachwissenschaft* (= Forum slavicum, 45), München, 1976, 12–20.

Jakobson R. O., On the relation between the language of folksongs and the colloquial folk-speech, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1962, 87–90.

Khaburgaev G. A., *Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom iazyke, Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 4, 1978, 42–53.

Klimchuk F. D., *Specificheskaia leksika Drogichinskogo Poles'ia, Leksika Poles'ia. Materialy dlja polesskogo dialektного slovaria*, Moscow, 1968, 20–70.

Knyazev Y. P., *Forma i znachenie konstrukcii s chasticej bylo v russkom iazyke, Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik v chest' N. D. Arutiunovoi*, Moscow, 2004, 296–304.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., K voprosu ob upotreblenii est' v russkikh govoraх, *The Slavic Linguistic Atlas. Materials and investigations*, 2, Moscow, 1968, 144–170.

Mel'čuk I., Russian U Y-a est' / – X constructions, *Russian Language and Linguistic Theory*, 1, 2019, 7–45.

Penkova Y. A., Budet' kak istochnik formirovaniia sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamiatnikov XII–XV vekov), *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee i budushchee. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti S. K. Pozharickoi*, S. V. Knyazev, A. V. Ptentsova, M. L. Remneva, eds., Moscow, 2010, 208–215.

Petrukhin P. V., Sitchinava D. V., «Russkii pluskvamperfekt» v tipologicheskoi perspektive, *Verenica liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 193–214.

Pichkhadze A. A., Expression of the Imperative and Optative Values in the Old and Middle Russian Prescriptive Documents, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2010, 14–24.

Pozharickaja S. K., Semantika nekotorykh form proshedshego vremeni glagolov v severnorusskom narechii, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

Pozharitskaya S. K., Otrazhenie evoliutsii drevnerusskogo pluskvamperfekta v govorah severnorusskogo narechiiia Arhangel'skoi oblasti, *The Slavic Linguistic Atlas*, 21: *Materials and investigations. 1991–1993*, Moscow, 1996, 268–279.

Pozharitskaya S. K., Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov byt', byvat' v severnorusskoi dialektnoi rechi, *Russian Language and Linguistic Theory* 1, 2010, 103–131.

Sheveleva M. N., “Russian pluperfect” in the Old Russian texts and modern dialects, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2007, 214–252.

Sheveleva M. N., Anomal'nye tserkovnoslavianske formy s glagolom BYTI i ikh dialektnye sootvetstviia (K voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoi normy i dialektnoi sistemy), *Issledovaniia po istoricheskomu iazykoznaniiu. Pamiati professora G. A. Khaburgaeva*, Moscow, 1993, 135–155.

Sheveleva M. N., Neknizhnye konstruktsii s formami glagola «byt» v pskovskikh letopisiakh, A. M. Moldovan, ed., *Verenica liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 215–241.

Sheveleva M. N., O sud'be drevnerusskikh konstruktsii s nezavisimymi formami glagola byti v russkom iazyke, *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 6, 2008, 34–57.

Sheveleva M. N., On the Loss of the Old Russian Perfect and Origin of Dialectal Structures with the Word est', *Iazykovaia sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statei k 80-letiiu professora K. V. Gorshkovoii*, Moscow, 2001, 199–216.

Sheveleva M. N., Sud'ba form prezensa glagola byti po dannym drevnerusskikh pamiatnikov, *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 5, 2002, 55–72.

Sitchinava D. V., Pluskvamperfekt i sviazannye s nim formy v slavianskikh iazykah: tipologicheskie i areal'nye karakteristiki, Slavianskoe iazykoznanie, XVI *Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegacii*, Moscow, 2018, 244–266.

Sitchinava D. V., Russkie marginal'nye konstruktsii s bylo: k postanovke problemy, *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee i budushchee. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti S. K. Pozharickoi*, S. V. Knyazev, A. V. Ptentsova, M. L. Remneva, eds., Moscow, 2009, 192–199.

Sitchinava D. V., The particles bylo and byvalo in the eighteenth-century Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2012, 257–284.

Sitchinava D. V., *Tipologii pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt*, Moscow, 2013.

Toporov V. N., K voprosu ob evoliutsii slavianskogo i baltiiskogo glagola, *Voprosy slavianskogo iazykoznanii*, 5, Moscow, 1961, 35–70.

Trubinskii V. I., K voprosu o tavitologii v strukture predikata (na materiale dialektnykh konstruktsii so slovom est'), *Severnorusskie govory*, 2, Leningrad, 1975, 148–162.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zimmerling A. V., *From Integral Frameworks to Aspective Analysis*, Moscow, St. Petersburg, 2021.

Светлана Михайловна Толстая, доктор филологических наук, академик РАН
зав. отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия / Russia
smtolstaya@yandex.ru

Received February 7, 2022